

РОМАНТИКА И ПЬЕСА

МНОГИМ памято, сколько дискуссий и споров было в последнее время вокруг репертуара, авторского ансамбля, в общем, вокруг творческого лица Театра имени Ленинского комсомола. «Маска в деревне», «Друзья-соиниженеры» и многие другие хорошие пьесы и пьесы дадут истинно комсомольского театра постановки. Пыльнато-развлекательные комедий вроде «Нолеса счастья» или «Они встретились в поезде» — все это выдало справедливые нарекания молодежи.

Больша года театр напряженно искал свое лицо. Много было «мизансцен провозгластв» — «Взрослые дети», «Фабричная девчонка»...

И вот «Товарищ романтик» — спектакль, который говорит о том, что театр выходит на свою настоящую дорогу. Театр нашел пьесу, объясняющую романтику наших дней, пьесу, ве фиксирующую события, а зовущую вперед, пьесу о будущем — о людях, с которыми играть в коммунизм. Спектакль сыгран с любовью и подъемом, согрет большим человеческим теплом в объяснение, поставлен с задором и молодостью.

Да и во мудрово, ведь тема-то наная — целина...

Но как воспеть покоренно целины? Ведь, стоя в гуще событий, так трудно взглянуть на них со стороны, оторвать самое верное. А романтика целины требует поэзии, требует пьесы, новой и необычной.

Тая, по-видимому, и родилась пьеса М. Соболя, не напоминающая, не традиционная. Это нравственная пьеса. Это скорее пьеса о комсомольских целинах.

Но пьеса пьеса рознь. Есть пьеса, которая играет через трагедию в четыре десятилетия вперед, есть пьеса, которая живет здесь. А есть пьеса, которая уходит скоро и безжалостно. Она может быть очень хороша. Но в пьесе должен быть образ — необычный, запоминающийся. Нет такого образа, и всякая идея, стараясь, смешалась с другими, забылась...

Еще более «притягивает» пьеса. Она требует двух ве-

щей — острого, напряженного конфликта и ярких характеров — образов. Если в пьесе этого нет, даже самая блестящая идея, самое большое ощущение и пафос не в состоянии удержать ее на сцене, проходит немного времени, и она забывается.

Пьеса М. Соболя принадлежит именно к таким произведениям. Она, безусловно, нужна, полезна, смотрится с большим интересом. Но уже уйдя со спектакля, быстро тернешь тот подъем, на котором он идет, и бледнеют события, бледнеют герои. Все это потому, что автор не нашел основного — главной проблемы, главного события: в пьесе нет основополагающего конфликта, четкого сюжета. Если не оправдать, то повять автора в какой-то степени можно. Целина — дело такое большое, такое значительное и необъятное, что ему захотелось рассказать сразу обо всем увиденном. Но это, несомненно, сыграло свою отрицательную

роль. Главная в пьесе потонуло во второстепенном, большее — в мелком.

В самом деле, о чем же пьеса Соболя? Мы узнаем, как на строительство целинного совхоза приехала группа ребят-москвичей, как двое из них полюбили одну, одна оказалась негодяем. Но зритель почти не видит ни работы, ни жизни людей, даже о трудности, с которыми столкнулись комсомольцы, он узнает не на действия пьесы, а из стихов Алехи Березова. Нам рассказывают о многих: о несомнительных старожилках Кулууды (хозяйка и хозяйка), которые не пускают комсомольцев и себе в хату), о перекрывающихся уголовнике Быкове, о бумажной душе — бюрократе Тешеннике, который больше всего на свете боится тещи, уехавшей в Барнаул «за тьюлю».

Но в пьесе Соболя нет того главного, без которого нет настоящей пьесы, хотя на драматическую поэму в стихах и прозе можно сделать скидку, — в ней нет необходимого в драматургической жанре конфликта и выявляющего этот конфликт четкого сюжета. Нельзя же считать основным конфликтом пьесы второстепенный вопрос, кого полюбит одна из героинь, Аленушка, — Алену или Максима, сюжетом — приход комсомольцев на целину. Не главное в ней и проблема разоблачения «хулиганов» в лице Лещера. А других вопросов здесь не поставлено.

В пьесе много лишнего образов и лишних сцен. Бродит по сцене журналист Семен Семенович Клячко только для того, чтобы констатировать оперативные журналисты в числе первых поспешили на целину. Не несет смысловой нагрузки, кстати, слишком

Светлова живут не только на сцене, они становятся лишними друзьями и спутниками на всю жизнь. Вряд ли то же произойдет с героями Соболя, вряд ли кто-нибудь из них сумеет «пронести» хотя бы всерьезно лет.

Вот Аленушка. В конце пьесы героиня заявляет о том, что стала другой, сильной, решительной: «Я теперь все могу: землю пахать могу, людей повести за собой могу и любовь могу разорвать...». Но мы мало верим этим словам, мы не увидели этих черт в Аленушке. Вернее, в начале пьесы была Аленушка на то, что Аленушка — сильная, смеялая, гордая: только Аленушка не струсилась перед Выковым, оставила его, не струсилась там, где испугались здоровые парни. Но заявляла так и осталась заявлять. Исполнительница роли Аленушки — М. Лифанова оказалась в затруднительном положении. Пьеса дала ей только одну иркутку, да и ту в небольшом количестве. Да, Аленушка чиста, мила, безбоязненная правдива. Но весь этот очень мило, чтобы образ комсомольца-целинника стал большим и запоминающимся.

Одноплановостью страдает и образ центрального героя пьесы — поэта Алехи Березова. Талантливому, обязательному автору С. Яковлеву выпала великая доля: выступать и как автор-рассказчик, и как действующее лицо. Причем ведущий в пьесе Соболя — на равнодушный комментатор, созерцатель происходящих событий, не второстепенный персонаж. Алеха — поэт, воспевающий людей и события, ведущий вперед, рассказывающий о себе самом и других. В то же время Алеха — рядовой комсомолец, обыкновенный

принципник, влюбленный в свою трактористку Аленушку. Найти переходы от пафоса стихов к прозе дел и событий — очень трудно. С. Яковлев справился с этим.

Более щедрым оказался автор по отношению и другому герою — Максиму Буреву. Он не понадел для этого образа разных красок, и поэтому артист Ю. Лихачев оказался в более выгодном положении. Максим в спектакле не похож на планетного героя, выступающего в каком-нибудь одном качестве, как, например, безупречный тракторист-перевозчик Ахмет Салхутдинов (артист В. Жуков). Максим Бурев — живой человек. И Ю. Лихачев рассказывает о своем герое так, что мы верим и хорошему, и плохому, и разному в характере этого человека.

Зато небообразно скучную, глупую роль отвел молодой драматург Тове Владыкиной (артистка К. Двойникова). Для чего она существует? Осудить комсомольских женихов, которые за лекциями и брошюрами не видят живых людей? Но они давно осуждены. Показать, как они перерослись? Но это в пьесе не получилось. Зарождающееся чувство Токи и секретарю райкома Громуву выглядят как пародия.

К сожаленью, снова (как и в некоторых других пьесах) наиболее убедительны «отрицательные» — Лещер и Тешенник. Они детальнее выписаны автором, в тому же автору В. Ларонову (Тешенник) и А. Ширвиндт (Лещер) играют с увлечением, могут похвалиться удачными находками.

Мы подробно разобрала недостатки спектакля. Но это не значит, что он плох. Может быть, эти простоты бросятся в глаза потому, что соседствуют они с настоящими, поэтическими сценами — воспоминанием о целине, полнью в подсолнухом и т. д. Потому, что смотришь спектакль призрачными взглядом, так хочется, чтобы еще молодой, комсомольский театр был самым хорошим, ставил лучшие пьесы, играла бы в нем талантливые актеры. Потому, что спектакль все-таки есть, и спектакль хороший. А это самое основное. Театр сумел увидеть в пьесе романтику, придать пьесе поэзию целины, подчеркнуть и воспитать автором. Театр сделал ее центральным образом, центральной проблемой спектакля. «Товарищ романтик» — спектакль о той романтике, поэзии людей и их дел, которую не могут заслонить ни попадающиеся подчас средние стихи, ни слабо намеченные характеры. Эта романтика открыла автором, она помогла театру создать спектакль важный, задававший за живое, спектакль, идущий на большом подъеме. Спектакль о наших современниках — хороший подарок театра к 40-летию комсомола.

С. КАРДАШ.

Спектакль к 40-летию ВЛКСМ

Московский комсомолец

19. X. 58.